

По завершении XX съезда отец начал готовиться к намеченной на конец апреля 1956 года поездке в Англию, первому своему официальному визиту в первостатейную западную капиталистическую страну. Формальным главой делегации считался Председатель правительства Булганин, отец числился всего лишь членом Президиума Верховного Совета, но в Лондоне прекрасно понимали, с кем на самом деле им предстоит иметь дело.

Месяцем ранее, 14 марта 1956 года, в Лондон откомандировали «осваивать целину» Маленкова. За прошедший год он, казалось бы, полностью сжился со своим новым положением министра энергетики, по-прежнему не реже раза в неделю заглядывал к отцу на дачу, по-соседски пообщаться, погулять, а потом попить чайку. Во время прогулок Маленков увлеченно рассказывал о новых для себя и для отца технических и иных особенностях производства электричества. Отец его внимательно слушал, расспрашивал о деталях. Складывалось впечатление, что Георгий Максимилианович не сожалеет ни об утерянном премьерстве, ни о кабинете в Кремле, и отношение его к отцу несколько не переменилось.

Маленков поехал в Англию во главе делегации советских энергетиков. Он привлек к себе особое внимание, англичанам хотелось прощупать расклад, узнать чем дышит недавний глава советского правительства, как писали лондонские газеты «в жесткой схватке проигравший Хрущеву очередной раунд в кремлевской борьбе за власть». Того же, что на самом деле ни жесткой, ни мягкой борьбы с отцом Маленков не вел, с самого начала занял подчиненное положение и принял его главенство, в западную версию взаимоотношений в советском руководстве не укладывалось. Благословляя Маленкова на поездку в Лондон, отец демонстрировал Западу, что в Москве настали иные времена, теперь отставных высших руководителей страны не отправляют на Лубянку, а в своем новом качестве они даже совершают заграничные вояжи.

Визит Маленкова прошел более чем успешно. С самого начала мажорный тон задал прилет делегации на сверхсовременном двухтурбинном реактивном лайнере Ту-104. В 1956 году в мире существовал еще только один реактивный пассажирский самолет: четырехмоторная английская «Комета». Она было приступила к коммерческим полетам, но неудачно, несколько «Комет», одна за другой, развалились в воздухе. Полеты приостановили. На этом фоне приземление Ту-104 в лондонском аэропорту выглядело особо впечатляющим. Газеты пестрили его фотографиями, специалисты восхищались мощностью моторов самолета: два русских обеспечивают ту же тягу, что четыре английских. В первые два-три дня Ту-104 даже заслонил сам визит, но вскоре Маленков и перипетии кремлевской политики вернулись на первые страницы газет.

Георгия Максимилиановича с делегацией свозили в Центр ядерных исследований в Харуэлле, показали строящиеся атомные электростанции, не в пять киловатт, как наша Обнинская, запущенная в позапрошлом, 1954 году, а настоящие, промышленные.

В первый же вечер по возвращении в Москву Маленков поспешил к отцу поделиться впечатлениями от поездки. Обе семьи долго гуляли по дорожкам дачи, уже почти очистившимся от снега, потом вместе ужинали. Гость рассказывал и не мог остановиться: англичане – и руководство, и простые люди, настроены весьма дружелюбно, отца с Булганиным ждет теплый прием. Собственно, едва ли не самой важной задачей Маленкова была проверка

настроений британцев – если его освищут, забросают тухлыми яйцами, то и Хрущеву с Булганиным придется несладко. Отец не исключал, что при таком повороте дел они вообще от визита откажутся, позориться им там не к чему. Обошлось. Не освистали, не забросали, а наоборот одарили улыбками и даже цветами.

Затем речь зашла об атомных электростанциях. Еще в прошлом году всем, и правительству, и ученым, казалось, что мы тут занимаем передовые позиции. Рассказ Маленкова удивил отца, и удивил неприятно. До того ему никто не докладывал об успехах англичан в этой области. Совсем недавно, 5 января 1956 года, о последних разработках атомного оружия им докладывал Министр среднего машиностроения Авраамий Павлович Завенягин, его заместитель генерал Павел Михайлович Зернов, академик Курчатов и главный конструктор ядерных зарядов Юлий Борисович Харитон. Отец, поблагодарив их за работу, начал расспрашивать о перспективах мирного использования атома. Курчатов рассказал о своих работах по ядерному синтезу, отметил, что здесь они вырвались вперед и даже англичане, а они в западном мире в этой области – пионеры, отстают на несколько лет. А вот о том, что англичане далеко продвинулись вперед в области атомных электростанций, Курчатов промолчал.

С Курчатовым отец познакомился не очень давно, в августе 1953 года, сразу после испытаний первой советской водородной бомбы. Курчатов произвел на отца очень благоприятное впечатление: человек знающий, сдержанный, слов на ветер не бросает, если что сказал, перепроверять за ним не надо.

В ответ на вопрос отца о перспективах мирного атома, Курчатов предложил создать международный научный центр наподобие британского Харуэлла и пригласить туда ученых социалистических стран, подключить их к перспективным ядерным исследованиям, невоенным, конечно. Отцу идея Курчатова понравилась, он попросил его подготовить предложения. Курчатов времени не терял, 14 января 1956 года по его записке Президиум ЦК принял Постановление «Об организации Восточного института ядерных исследований» и поручил созвать в Москве совещание потенциальных участников будущего проекта. 26 марта 11 стран Европы и Азии подписали соглашение об учреждении Объединенного института ядерных исследований. К тому времени Курчатов и место ему подыскал: на Волге, в Дубне, там уже работали Институт ядерных проблем и Электрофизическая лаборатория Академии наук. 12 июля 1956 года в газетах опубликовали заявление Советского правительства «О европейском сотрудничестве в области атомной энергии», объявлявшем об учреждении Дубнинского ядерного центра.

В том первом разговоре 5 января 1956 года отец поручил Завенягину (они знали друг друга с 1920 года, тогда Авраамий Павлович секретарствовал в Юзовском уездном комитете, а отец ходил у него в заместителях) продумать возможность использования атомных реакторов для получения электроэнергии и главное просчитать, во сколько обойдется киловатт. Через пару месяцев ученые, атомщики и энергетики, доложили: атомные электростанции построить можно, но выработанное на них электричество дороже теплового, а уж тем более полученного на гидроэлектростанциях. Отец согласился лишь отчасти – по его мнению, мы уже построили и строим еще атомные реакторы для производства оружейного плутония, они охлаждаются водой, а затем этот водяной пар, разогретый энергией атома, охлаждается в градирнях и еще не остывшая вода сбрасывается без толку в реки. Все происходит так же, как и на тепловых электростанциях, только там паром крутят турбины, а тут его выбрасывают. Если реакторный пар заставить работать, то выработанная электроэнергия получится как бы даровой.

Атомщики вскоре доложили, что такой вариант возможен, правда, в силу технологических особенностей давление реакторного пара получается низким, всего в одну и одну десятую атмосферы, но и этого достаточно, чтобы на плутониевых реакторах начать вырабатывать электроэнергию. Для настоящих электростанций придется спроектировать в будущем

специальные, рассчитанные под их требования атомные установки. 1 марта 1956 года отец поставил на обсуждение Президиума ЦК вопрос о строительстве в 1956–1960 годах атомных электростанций. Скорее не план, а прикидка плана не столько промышленного, сколько экспериментального строительства. Он считал, что, даже не имея возможности конкурировать с гидро- и теплоэлектростанциями, атомные станции могут оказаться рентабельными в районах, куда уголь приходится издалека везти по железной дороге, особенно добываемый из глубоких шахт «дорогой» уголь, такой, как донбасский. Первую станцию предполагалось заложить в районе Куйбышева (Самары), теперь мы знаем эту точку как Балаковская АЭС. Дальнейший план развертывания атомной энергетики предстояло еще уточнить, в марте наметили перспективные регионы: Уральский, Московский, после некоторых колебаний – Ленинградский.

Этот план касался промышленных атомных электростанций, пока же в качестве эксперимента поручили приладить турбины и электрогенераторы к строящимся в Сибири оружейным реакторам и тем самым разрешить проблему электроснабжения «закрытых» городов и прилегающих к ним «открытых» районов.

По мнению Маленкова, англичане занялись атомной энергетикой не от хорошей жизни: «У них нет больших рек, нефть везут издалека, со Среднего Востока, свой уголь дорогой, вот они и ухватились за атомную энергию. У нас же рек в избытке, мы начинаем добывать в разрезах дешевый уголь, часть станций переходит на мазут, тоже свой». Аргументы Маленкова прозвучали убедительно, но, тем не менее, отец попросил его еще раз все тщательно просчитать. Экономисты-энергетики подтвердили свои выводы: при существующих технологиях «атомное» электричество обойдется дороже.

Рассказ Маленкова об атомных станциях меня очень заинтриговал, все, связанное с атомом, в те годы окружал сказочно-фантастический ореол, и его выводы о нерентабельности атомной энергетики меня расстроили. В последующие месяцы при каждом удобном случае я приставал к отцу с расспросами о планах в этой области. С заключением экономистов я, без малейших к тому оснований, никак не соглашался. Оказывается, не согласился с ними и Курчатов. При очередной встрече с отцом он настаивал на продолжении работ. В отличие от меня, он приводил серьезные резоны: только так удастся отработать новую технологию и, по мере накопления новых знаний, удешевить производство «атомного» электричества.

1 августа 1956 года, а затем и 31-го отец вновь ставит вопрос атомной энергетики на обсуждение Президиума ЦК. Он повторяет аргументы Курчатова. Решают продолжить работы по четырем-пяти атомным станциям уже в текущей пятилетке, по тем, что определили 1 марта. Предложение атомщиков перенести головную станцию из Куйбышевской области в Москву, в Ховрино, «посадить» ее поблизости от их исследовательского центра, известного ныне как Курчатовский институт, отвергают. Курчатов и присоединившийся к нему на августовских заседаниях Анатолий Петрович Александров не согласились, настаивали на своем, так им удобнее работать, а ядерные реакторы для будущей атомной электростанции ничем принципиально не отличаются от уже функционирующих в их лабораториях.

Доводы прозвучали убедительно, и 31 августа на Президиуме ЦК принимают компромиссное решение: «Не писать Угличскую станцию, а о Московской (Ховринской) – подумать». Тем временем в Минэнерго продолжали сомневаться. В результате, к великому сожалению академика Александрова, Ховринскую АЭС так и не построили и вообще со строительством промышленных атомных станций договорились повременить, пусть ученые еще поработают. Для накопления опыта согласились соорудить только одну экспериментальную атомную электростанцию промышленных масштабов мощностью реакторов в 420 тысяч киловатт (420 мегаватт). В спорах атомщиков с энергетиками, пока Завенягин с Маленковым согласовали и увязали все вопросы, пролетел год. Постановление Правительства подписали только 15 июня 1957 года.

А вот подключение «плутониевых» оружейных реакторов к выработке электроэнергии развернулось без проволочек. За него отвечал один Завенягин и в увязке с Маленковым не нуждался. В самом начале 1957 года в Томске-7 (Северске), взяв за базу оружейный реактор И-1, приступили к сооружению оружейно-энергетического реактора ЭИ-1 с прилаженной к нему паровой турбиной низкого давления и электрогенератором на 100 тысяч киловатт. 7 сентября 1958 года реактор в Томске дал ток в местную энергосистему и одновременно начал наработывать бомбовые плутониевые заряды. О первом событии возвестила «Правда» и другие центральные газеты, о втором – доложили отцу специальной шифровкой с грифом «Совершенно секретно. Особой важности». По завершении работ на первой экспериментальной атомной электростанции рассчитывали установить шесть таких установок с общей мощностью 600 тысяч киловатт.

В дальнейшем все плутониево-оружейные реакторы имели двойное назначение: выработки электричества и наработки атомной взрывчатки. Последний такой реактор запустили в Томске-7 26 июля 1965 года, а упомянутый выше первый окончательно загасили в 1992 году, вместе с распадом Советского Союза.

Тем временем работа над чисто энергетическими атомными установками набирала силу. Они тоже оказались двойного применения: одним предназначалось крутить турбины на атомных электростанциях, другие вращали турбоагрегаты атомных подводных лодок и ледоколов. Всеми этими работами теперь руководил академик Александров. Летом 1962 года первая советская атомная подводная лодка «Ленинский комсомол» поднырнула под лед Северного полюса, и в том же 1962 году выработанная на атомных электростанциях электроэнергия стала экономически конкурентоспособной. «Атомное» электричество теперь стоило не дороже, чем «тепловое», – 10 копеек за киловатт, и к тому же атомные станции не отравляли атмосферу «угольным» сернистым газом, не губили округу серноокислотными дождями. Более того, начался обратный процесс. Пока атомный киловатт дешевел, на гидроэлектростанциях еще вчера «даровая» электроэнергия дорожала. В 1962 году за гидрокиловатт уже платили 15 копеек. Западнее Волги атомные электростанции становились все более выгодными. В европейской части Союза их начали строить повсеместно.

Репутация ядерной энергетики пошатнулась после Чернобыльской катастрофы 26 апреля 1986 года, взрыва атомного реактора на электростанции. На мой взгляд, напрасно. Если не следовать инструкциям, а ими в ночь катастрофы эксплуатационники пренебрегли, то и не такое можно натворить. И не только на атомной электростанции, но где угодно, на тепловой или на гидроэлектростанции, на транспорте, на любом производстве. У меня нет сомнений, опала ядерной энергетики – временна. По долговременным последствиям воздействия производства электричества на окружающую среду атомные электростанции вне конкуренции. Более «чистой» технологии человечество пока не придумало.